

В Великой Пустыне, лучший ночной вид, открывался у Восточного моря. Молочно-белая луна висела на горизонте, освещая поверхность моря. Волны вздымались под лунным светом, как будто Цзяолун¹ вспенивал воду, а его золотая чешуя ярко сверкала. Бескрайнее море опустошало разум, делая все незначимым. Но Чунь Цинь был не в настроении любоваться пейзажем.

Глубокой ночью все крепко спали. Стоя посреди буддийского зала, Чунь Цинь выудил из кармана черный костяной свисток², сунул его в рот и дунул в сторону севера. Свисток не издал ни звука, казалось, он был сломан. И все же, вместо того чтобы потерять терпение, он продолжал свистеть и ждать.

Через мгновение с севера прилетел ястреб и уверенно приземлился ему на плечо. У ястреба была не только пара кроваво-красных глаз и острые как бритва когти, но и слабая демоническая аура. Но Чунь Цинь, казалось, привык к этому, поэтому совершенно не обратив на это внимание, он привязал листок бумаги к лапе ястреба, после чего усмехнулся: «Посмотрим, как долго этот парень Гу сможет прожить, когда все будет готово!» Он похлопал ястреба по спине и сказал: «Лети.»

Взмахнув крыльями, ястреб скользнул по ночному небу и быстро улетел.

Чунь Цинь стоял и смотрел на то, как птица постепенно исчезает за горизонтом, после чего вернулся в свою комнату. Он толкнул дверь, бросил взгляд на висящий на стене меч, и направился напрямик к кровати. Рукоять меча была обращена на юг, а не на север, куда она обычно указывала. Он в мгновение ока развернулся и ударил по двери ладонью!

Двери буддийского зала были сделаны из пихтового дерева, так что они ни за что не смогли бы выдержать удар ладони культиватора находящегося на стадии Золотого Ядра. Однако, в этот момент, он ощутил, как будто его ладонь ударила по грязи.

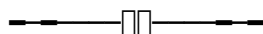
Это была Иллюзорная граница - иллюзия, сформированная из чьей-то базы культивирования. Чем выше ступень культиватора, тем сильнее Иллюзорная граница походила на реальную. Несмотря на то, что такие иллюзии все же имели незначительные отличия от реальности, Иллюзорные границы было почти невозможно обнаружить.

Чунь Цинь вошел в Иллюзорную границу и попал в комнату. Кипя от ярости, он завопил: «Мерзавец! Выходи прямо сейчас!»

Как только он закончил говорить, комнату окутал туман. Из ниоткуда появился длинный меч и вонзился ему прямо в грудь! Несмотря на быстрое отступление, Чунь Цинь все еще не успевал уклониться от атаки. Из раны мгновенно потекла кровь. Когда он увидел Гу Сюаньяня, выходящего из тумана, выражение его лица изменилось: «Ах ты, маленький мерзавец! Разве ты не ушел?!»

«Ушёл. Однако, кое-что застряло у меня в голове и я хочу спросить об этом Старшего.» На лице Гу Сюаньяня застыла улыбка, его тон был спокойным: «Речь идет об инциденте, который

произошел двенадцать лет назад.»

Ходили слухи, что тело Чунь Циня, найденное монахом, доставлявшим завтрак, имело множественные ножевые ранения и находилось в ужасающем состоянии. В то время, в буддийском зале еще оставались многочисленные культиваторы, так что новость распространилась со скоростью лесного пожара. Мнения о намерениях убийцы сильно расходились. Некоторые предположили, что Чунь Цинь был убит из-за своей базы культивации, в то время как другие предположили, что это могло быть делом рук его врагов.

У Зеленой Вершины не было другого выбора, кроме как объявить о смерти Ли Юньци. Известие о том, что два сильных культиватора были убиты с разницей менее чем в месяц, всколыхнуло все общество культиваторов. Волны беспокойства прокатывались по ним, заставляя всех быть начеку. Стало также известно, что была обнаружена демоническая аура в комнате Ли Юньци, это повлекло за собой ухудшение отношений между даосскими и демоническими культиваторами. Между ними возникало довольно много конфликтов, в воздухе витала враждебная атмосфера.

Конечно, это, казалось бы, не имело никакого отношения к Гу Сюаньяню или Чжун Яню, которые выздоравливали в Зеленой Вершине: «Разве я не говорил старшему брату, чтобы он никуда не уходил? Видишь? Теперь у тебя появилось еще больше травм, твои предыдущие раны только-только успели зажить! То же самое касается и младшего Гу. Посмотри, какие сильные раны у него. Но, к счастью, вы вернулись раньше и не столкнулись с этим убийцей...»

На Зеленой Вершине стоял крошечный бамбуковый домик, окруженный бамбуковым лесом. В тени дома стоял Цин У и наблюдал за двумя чашами с лекарствами, раздувая огонь в печи и ворча. Легкий ветерок разносил повсюду запах лекарств. Чжун Янь откинулся на спинку ближайшего бамбукового стула, закрыв лицо веером из душистого тростника³. Решив, что Чжун Янь заснул, Цин У пробормотал что-то себе под нос, после чего замолчал.

По правде говоря, даже если бы Цин У продолжал болтать, его придирки все равно остались бы без внимания. С закрытыми глазами Чжун Янь рылся в своих мыслях воспроизводя все детали путешествия в буддийский зал. Что именно пошло не так? Безрезультатно ища, он продолжал докучать системе.

[Ты можешь хотя бы намекнуть? Я даже не знаю, когда потерял двадцать очков. Если так пойдет и дальше, у меня не останется очков. Семидесяти очков хватит только на три убийства.]

Система утешала его: [Не будь таким пессимистом. На самом деле у нас есть чувство сострадания. Очки будут вычтены только в том случае, если Гу Сюаньянь спланирует убийство; убийство совершенное при самообороне не будет засчитано.]

[Хорошо.] Чжун Янь кивнул: [Если это так, то могу ли я спросить, убивал ли Гу Сюаньянь хоть раз только из самозащиты в этом романе?]

Система мгновенно отключилась.

Чжун Янь пришел в ярость: [Каждое убийство, которое он совершает, преднамеренно! Если это не так, то почему он является злодеем в этой истории?]

Системе нечего было ответить. После короткого молчания она наконец с трудом произнесла: [Хотя я вам сочувствую, но нам запрещено разглашать какие-либо сюжетные линии. Если правила будут нарушены, мне сделают выговор, и после трех таких выговоров меня уволят.]

После краткого разочарования, у Чжун Яня появились некоторые идеи: [Что насчёт того, что вместо того, чтобы ты что-то говорила, я буду спрашивать о сюжете, а ты просто будешь поправлять то, что я сказал? Чтобы предотвратить отклонение истории, системы должны исправлять ошибки в предположениях хозяина о том, как продвигается история. Так что, это не будет являться сливом сюжетных линий, верно?]

Никогда прежде не слышав такого метода, система на мгновение замерла: [Нет... понятия не имею...]

[Тогда давай попробуем.]

Чжун Янь поджал губы и прошептал: [Гу Сюаньянь убил Чунь Циня.]

После короткой паузы система наконец набралась смелости и пробормотала в ответ: [Нет.] После чего она замолкла.

Оба, казалось, затаили дыхание в ожидании. Через некоторое время Чжун Янь тихо спросил: [Ты получила выговор?]

[Нет.] Система вздохнула в искреннем восхищении: [Ты действительно гений.]

Чжун Янь пропустил мимо ушей эту похвалу, тяжесть свалилась с его плеч: [Наконец-то нашел полезный баг из кучи других багов, которые есть у ваших систем по переселению!]

Как только они обошли проблему, они начали действовать, один из них угадывал, а другой исправлял его. Тем не менее, поскольку это все еще было использование лазейки, Чжун Янь не осмелился выдвигать какие-либо гипотезы, он только уточнял определенные моменты.

[Чунь Цинь умер в ночь церемонии после нашего отъезда.]

[Да.]

[У Гу Сюаньяня не было никаких помощников и он не использовал никаких магических инструментов. Он убил собственными руками.]

[Да.]

После короткой паузы Чжун Янь сделал неуверенное предположение: [Гу Сюаньянь всегда находился рядом со мной после того, как мы покинули буддийский зал.]

Система ответила только после небольшой паузы: [Нет.]

Несмотря на то, что у него уже возникло это подозрение, он все же произнес: [Не может быть. С тех пор как мы ступили в буддийский зал, я приклеился к нему. Мы даже спали вместе. Он ни разу не покидал меня...] Чжун Янь оборвал фразу, его лицо побледнело. Да, был такой момент. Чжун Янь задремал на некоторое время в лесу, где они отдыхали, пока не встретили белую обезьяну! Более того, он тогда крепко спал. Гу Сюаньянь был даже тем, кто разбудил его, после того, как обнаружил присутствие обезьяны.

Зацепившись за ответ, система оборвала Чжун Яня прежде, чем он успел закончить фразу: [Нет.]

Сердце Чжун Яня ушло в пятки. Это все объясняло. Гу Сюаньянь никогда не получал серьезных внутренних травм после того быстрого поединка. Ему просто нужен был предлог, чтобы улизнуть. В тот момент, когда Чжун Янь погрузился в глубокий сон, Гу Сюаньянь вернулся в буддийский зал, чтобы отомстить. На следующее утро Гу Сюаньянь был по-настоящему ранен, его даже вырвало кровью. И Чунь Цинь, и он были на стадии Золотого Ядра, но Чунь Цинь был на пике стадии Золотого Ядра. В сочетании с опытом Чунь Циня, Гу Сюаньянь должен был использовать все свои силы, чтобы убить его; быть раненным во время боя было неизбежно для Гу Сюаньяня.

Вот почему на следующее утро Чжун Янь заметил, каким мертвенно-бледным было его лицо, так как тогда он действительно был тяжело ранен. Однако Чжун Янь искренне верил Гу Сюаньяню, думая, что удар ладонью во время поединка так сильно ранил его сердце, что он не смог восстановиться даже после ночного отдыха.

Чжун Янь понятия не имел, когда Гу Сюаньянь успел спланировать все это. Возможно, он планировал симулировать травму, когда получил удар ладонью во время матча или когда понял, что не может сделать ни одного движения с Чжун Янем, прилипшим к нему, как клей. Или, возможно, это было еще раньше, в тот момент, когда он услышал имя Чунь Циня после прибытия в буддийский зал. Поскольку все уже произошло, размышлять об этом было бесполезно. Единственный образ, который Чжун Янь воспроизвел в своем сознании, был Гу Сюаньянь, пролетевший несколько сотен миль на мече, чтобы убить Чунь Циня той ночью, прежде чем вернуться к нему. Тогда он просто убил кого-то, его одежда даже была запятнана кровью жертвы. Тем не менее, он небрежно разбудил его мягким, нежным голосом: «Старший

брат, проснись».

Чжун Янь боялся Гу Сюаньяня с тех пор, как попал в этот роман, боялся, что тот зарежет его или убьет кого-нибудь еще. Однако, никогда еще у него не было такого глубоко укоренившегося страха по отношению к нему. Этот страх был вызван не сильной базой культивирования Гу Сюаньяня, а тем как Гу Сюаньянь относится к убийству. Любой, кого он хотел убить, определенно был бы убит, независимо от высокого риска или того, что база культивирования его жертвы была выше, чем его. В его глазах они были всего-лишь насекомыми, их судьба определялась им.

Чжун Янь внезапно произнес: [Я... хочу произнести свою последнюю догадку.] Только после долгой паузы он продолжил. [На следующее утро... Это правда, что у Гу Сюаньяня не осталось энергии для поддержания барьера. Он не нарочно заманил белую обезьяну своим запахом крови.]

Жуткая тишина мгновенно поглотила их, оставив только звук шелеста бамбуковых листьев. За время молчания системы Чжун Янь уже пришёл к ответу в своем сердце. Горько рассмеявшись, он закрыл глаза: [Забудь об этом. Ты не обязана отвечать.]

Гу Сюаньянь не только тщательно спланировал убийство Чунь Циня, но и придумал как избавиться от Чжун Яня, пока он был там. Разум Чжун Яня на мгновение опустел и пришёл в уныние.

[Я потратил десять очков только для того, чтобы спасти его! У меня всего только сто очков! И так, я фактически потратил десять процентов своей жизни, чтобы спасти его! Но правда в том, что тогда он планировал убить меня! Дерьмо!]

Проведя довольно много времени за прослушиванием гневных разглагольствований Чжун Яня, система почувствовала, что рано или поздно она начнет давать сбои, если он продолжит. Система тихо произнесла: [Достаточно. Не говорите слишком много; злиться вредно для вашего здоровья.]

Однако ярость была не единственной эмоцией, которую испытывал Чжун Янь. Сам того не ожидая, он почувствовал разочарование. Это точно так же, как если бы у вас был друг, с которым вы часто ссоритесь, но вы все ещё считаете его своим лучшим другом. И когда друг сообщил вам, что у него сегодня день рождения, несмотря на то, что у вас почти не осталось никаких сбережений, вы все равно купили ему торт. Тем не менее, придя к другу, единственный ответ, который вы получаете от него это: «Ха-ха! Это была просто шутка, идиот.» Кто бы смог удержаться от того, чтобы не впечатать этот торт в лицо такого друга...?

В данный момент Чжун Янь не осмеливался сделать ничего безумного, например вмазать тортом Гу Сюаньяню в лицо. И все же, несмотря на страх, его охватило негодование. Хотя у каждого из них были свои планы, он чувствовал, что, по крайней мере, когда его жизнь висела на волоске, Гу Сюаньянь сказал ему отступить. Несмотря на то, что он был ранен, он все же бросился к большой обезьяне без малейшего колебания. Но Чжун Янь, ведь тоже спас Гу

Сюаньяня, ни на миг не задумываясь. Как оказалось, парень, которого он спас, планировал убить его с самого начала. Хех.

К тому времени, когда Гу Сюаньянь пришёл, небо уже потемнело. Лунный свет снаружи был таким же белым, как иней. Как раз, в тот момент, когда Чжун Янь продолжал мысленно осыпать бранью не только Гу Сюаньяня, но и его предков, он услышал, как кто-то толкнул дверь.

«Старший брат, я вхожу.» Чжун Янь немедленно прекратил ругаться. Все еще довольно бледный Гу Сюаньянь подошел к кровати и положил руку на лоб Чжун Яня, измеряя его температуру, после чего, опустил глаза на чашу с лекарством на столе. «Почему старший брат не выпил лекарство?»

Чжун Янь не мог продолжать больше молчать: «Слишком горячее. Я жду пока оно остынет.» После чего он не удержался и спросил: «Почему ты пришел сюда вместо того, чтобы самому отдыхать и выздоравливать?»

Сидя перед столом, Гу Сюаньянь взглянул на него, после чего тихо ответил: «Я хотел нанести визит старшему брату.»

Чжун Янь мысленно закатил глаза. Вау. Настолько искренний? «Будь уверен, младший брат. Я не умру в ближайшее время.»

После тихого смешка, Гу Сюаньянь внезапно заговорил: «Старший брат, я пережил множество опасных сражений, из-за некоторых я даже мог погибнуть. Но старший брат первый, кто защитил меня.» Чжун Янь застыл, удивленный тем, что Гу Сюаньянь начал говорить об этом ни с того ни с сего. Гу Сюаньянь повернулся к нему и спросил: «Сколько лет было старшему брату, когда он присоединился к Зелёной Вершине?»

«Десять.»

«Это так? Мне было двенадцать.» Гу Сюаньянь улыбнулся: «Оба моих родителя погибли, когда мне было семь. Мне некуда было идти, и я целыми днями слонялся по городу Длинной реки. Иногда прохожие из жалости отдавали мне еду. Но иногда они этого не делали. Когда я был сильно голоден, я воровал баоцзы⁴ из лавки на улице.

Услышав эту историю, Чжун Янь почувствовал боль в сердце. Гу Сюаньянь, казалось, заметил это и сменил тему: «Некоторое время спустя учитель привел меня сюда и я начал совершенствоваться. В то время я был довольно молод. Однажды, я спросил учителя почему погибли мои родители и почему я остался без дома. Учитель сказал мне, что это испытание было послано Небесным Дао.» После этого он усмехнулся и повторил: «Небесное Дао.»

Небесное Дао - руководящий принцип, которому поклонялся каждый даосский культиватор. В течение тысяч лет культиваторы поклонялись Небесному Дао, когда они культивировали, а

также молились ему, прося о вознесении. Однако тон Гу Сюаньяня был легким и беспечным, когда он упомянул об этом. Чжун Янь даже на долю секунды уловил в его тоне насмешку.

Чжун Янь молча лежал на кровати, его сердце билось громко, как барабан. Однако, Гу Сюаньянь не стал продолжать свой рассказ. Вместо этого он поднял чашу с лекарством и попробовал, после чего поднес ее к постели Чжун Яня, его голос вновь приобрёл оттенок нежности, подобную росе: «Старший брат, уже не горячее.»

Чжун Яню ничего не оставалось, как сесть и протянуть руку к чаше с лекарством. Однако Гу Сюаньянь внезапно отодвинул чашу, зачерпнул ложкой лекарство и протянул ее к губам Чжун Яня.

Чжун Янь потерял дар речи. Суставы пальцев Гу Сюаньяня были отчетливо видны; его руки казались гораздо тоньше, когда он держал нефритовую фарфоровую ложку цвета морской волны. После того, как Чжун Янь взглянул на пальцы Гу Сюаньяня, он послушно открыл рот. Гу Сюаньянь опустошал чашу с лекарством, кормя Чжун Яня ложкой.

В тот момент, когда Чжун Янь проглотил последнюю ложку с лекарством, он почувствовал, как груз свалился с его плеч. Однако Гу Сюаньянь выудил из ниоткуда зеленую сливу и сунул ее в рот Чжун Яню. Кисло-сладкая слива была вкусной. Взглянув на ошеломленного Чжун Яня, Гу Сюаньянь на мгновение заморгал, и на его лице появилась слегка гордая улыбка: «Сливы на горе уже созрели, поэтому я принёс несколько штук для старшего брата.»

Что еще мог сказать Чжун Янь? Чжун Янь мог только плакать в своем сердце. Как было бы здорово, если бы ты оказался в современном мире. Если бы ты там был, я бы обязательно отправил тебя в лучшую психиатрическую больницу, чтобы проверить, смогли бы там вылечить твое раздвоение личности.

(1) 四海 jìāolóng водный дракон, контролирующий моря и океаны

(2)

(3)

(4)

<http://bllate.org/book/15155/1339132>